

С.Н. Мещеряков (Москва, Россия)

**Иво Андрич. Загадка ясности, или Мир без Бога:
К 125-летию со дня рождения писателя**

Аннотация: В статье рассматривается специфика проявления эпического начала в исторических романах И. Андрича «Мост на Дрине» и «Травницкая хроника», а также своеобразии авторской концепции мира и человека. Особое внимание уделено выявлению картины мира в повести «Проклятый двор». Трагическое мироощущение писателя корректируется его верой в творчество и некоторой надеждой на историческое будущее человечества.

Ключевые слова: эпическое начало, миф, иенский романтизм, трагическое мироощущение, принцип противоречия

S.N. Meshcheryakov (Moscow, Russia)

**Ivo Andrić: The Clarity Enigma, or a World without God.
On the 125th Anniversary of the Writer's Birth**

Abstract: The article discusses epic traits in Ivo Andrić's historical novels "The Bridge on the Drina" and "Bosnian Chronicle", as well as the writer's singular view on the world and the human being. The article seeks to discover Andrić's world view in his story "The Damned Yard". The writer's tragic attitude to life is somewhat balanced by his belief in art and certain hopes for the future of human history.

Key words: epic traits, myth, Jena Romanticism, tragic attitude, contradiction principle

Иво Андрич (1892–1975) – единственный сербский и югославянский писатель, удостоенный Нобелевской премии. Она была вручена ему в 1961 г. «за силу эпического дарования, позволившего во всей полноте раскрыть человеческие судьбы и проблемы, связанные с историей его страны». Его широкомасштабный роман-хроника «Мост на Дрине» (1945) отразил историю Боснии на протяжении четырех столетий, с XVI по XX в., роман «Травницкая хроника» (1945) показал на примере Боснии столкновение Востока и Запада в начале XIX в., а повесть «Проклятый двор» (1954) стала глубочайшим выражением трагизма извечной судьбы человека. Творчество Андрича привело к утверждению сербского исторического романа как безусловной эстетической ценности, что убедительно подтвердили

многочисленные переиздания его произведений. Ему посвящены десятки монографических исследований и огромное количество (более тысячи!) статей.

Серб по национальности, католик по вероисповеданию, И. Андрич родился и вырос в Боснии, на Балканах, на перекрестке Востока и Запада, на перекрестке цивилизаций, там, где разыгрывается История. Именно выстрел в Сараево послужил прологом к Первой мировой войне, и именно взрывом моста в 1914 г. завершается знаменитый роман сербского писателя. Босния, страна с глубокими историко-культурными традициями и в то же время, по определению Андрича, «страна ненависти», стала для него моделью мира.

Ключевое слово для Андрича – «мудрость». Мудрость народа, мудрость поколений, мудрость мифа и легенды. При этом в духе XX в. писатель часто подвергает миф критическому анализу, чтобы впоследствии воссоздать творение народа на новой основе, добиться, по словам критика, «великого синтеза»¹. Перефразируя слова «судьба человеческая, судьба народная», в отношении Андрича можно сказать «судьба человека, судьба человечества».

Мудрость немногословна, она рождается из молчания. На надгробной плите писателя в Белграде всего два слова: «Иво Андрич». Герой его рассказа «История одного моста» турецкий визирь все время сокращает текст памятной надписи на своем творении. В итоге остается только мост. По словам С.С. Аверинцева, идея молчания всегда ценилась человечеством. Она была важна для Плотина и Прокла, Григория Назианзина и Псевдо-Ареопагита². Утверждая безмолвие как источник мудрости, Андрич продолжает мысль своих великих предшественников. В эссе «Разговор с Гойей» (1961) писатель признает ценность и емкость слова, необходимость уплотнения текста. Окончательный вариант повести «Проклятый двор» был сокращен им более чем в два раза.

С другой стороны, обращение к мифу, фольклору предполагало эпический размах повествования, утверждение богатства и неисчерпаемости жизни. Вероятно, поэтому в российском литературоведении прозвучала мысль о «Мосте на Дрине» как о романе-эпосе, хотя сам писатель в свое время дал своему произведению подзаголовок «Вышеградская хроника»³. «Сила эпического дарования» Андрича стала залогом его признания в мире.

В романе «Мост на Дрине» перед читателем проходит целая галерея различных представителей общества. Несмотря на некоторую ограниченность пространства (действие разворачивается в пределах небольшого боснийского городка Вышеграда), на страницах произведения находят свое место отзвуки всех крупных исторических событий того времени: изгнание турок из Венгрии, восстание Карагеоргия, возрождение сербского государства и сербско-турецкие войны во время Восточного кризиса. В дальнейшем история все более активно вторгается в жизнь вышеградцев: австрийская оккупация, а впоследствии и аннексия Боснии и Герцеговины, приобщение к «чудесам» западной цивилизации, начало Первой мировой войны и взрыв главной достопримечательности города – вышеградского моста – убедительно свидетельствуют о слиянии судеб города и страны, города и мира.

В романе «Травницкая хроника», имеющем подзаголовок «Консульские времена», описывается лишь семилетие деятельности французского и австрийского

¹ См.: *Vučković R. Velika sinteza. O Ivi Andriću. Sarajevo, 1974.*

² *Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997. С. 56–57.*

³ См.: *Яковлева Н.Б. Стилиевые черты современного исторического романа-эпоса // Художественная форма в литературах социалистических стран. М., 1969.*

консульств (с 1807 по 1814 г.) в главном городе Боснии. Однако и здесь Андрич дает широкую, обобщающую картину действительности. В Травнике сталкиваются представители западной и восточной цивилизаций, действуют французские и австрийские чиновники, представляющие могущественные европейские государства, сменяются турецкие визирь. Судьбы героев находятся в полной зависимости от крупных исторических событий: военных успехов французов, австрийцев, русских, дворцовых переворотов в Стамбуле – и в силу этого история властно вторгается на страницы произведения.

Историческое повествование в романах Андрича опирается на доскональное знание писателем своего предмета. Историк по образованию, защитивший в 1921 г. докторскую диссертацию о духовной культуре Боснии под властью турок, И. Андрич в своих романах строго следует историческим фактам, что многократно признавалось наукой. При этом социально-психологический анализ в произведениях писателя служит основой для широких философских обобщений, рассмотрения вопросов смысла жизни, добра и зла, закономерностей исторического развития.

Оба романа содержат в своем заглавии или подзаголовке слова «хроника», и каждый из них в той или иной мере подчиняется законам этого жанра. Роман-хроника обладает рядом черт, характерных для жанра этнологической или национально-героической повести. Повесть такого рода более аморфна, спокойна, нетороплива. По словам В.В. Кожина, события в такой повести «нередко просто присоединяются друг к другу, большую и самостоятельную роль играют внефабульные элементы и т. д. Роман тяготеет к освоению действия, повесть – бытия; она более эпична. Для повести характерна более активная роль автора, повествователя, рассказчика. В повести основная тяжесть переносится, по сути дела, на статические элементы произведения – положения, душевные состояния, пейзажи и т. п. Сами действенные моменты приобретают в повести, так сказать, скульптурный характер, как бы застывают в точке высшего напряжения, ибо единого сквозного действия нет, а эпизоды нередко следуют друг за другом по принципу хроники»¹.

Все эти черты присущи обоим романам И. Андрича. И в «Мосте на Дрине» и в «Травницкой хронике» нет единства действия, повествование развивается спокойно, иногда даже несколько замедленно. Многочисленные обширные описания предметного мира, картины пейзажей, передача душевного состояния героев, их портреты, характеристики, предыстории играют весьма важную роль в этих романах.

Чрезвычайно существенна в произведениях И. Андрича и позиция автора-повествователя. Голос повествователя постоянно звучит со страниц романов, то самостоятельно, то сливаясь с голосами героев; он ведет читателя по ходу развития событий, выступает связующим началом в произведении. По мнению Н.Б. Яковлевой, роль повествователя в этих романах настолько важна, что «вопрос об авторской позиции Андрича и различное ее понимание становятся источником несовпадающих и даже взаимоисключающих суждений о его творчестве»².

Близость обоих произведений жанру повести не исключает и некоторых различий между ними в этом плане. Очевидно, что «Травницкая хроника» по структуре и композиции, по своей жанровой форме ближе роману, чем «Мост на Дрине». «Травницкая хроника» в большей мере тяготеет к единству действия: она охва-

¹ Кожин В.В. Голос автора и голоса персонажей // Проблемы художественной формы социалистического реализма: В 2 т. Т. 2. М., 1971. С. 224–225.

² См.: Зарубежная литература XIX века. Романтизм. М., 1990. С. 50.

тывает относительно небольшой временной срок, в ней через все повествование проходят одни и те же герои (Давиль, Дафна), причем некоторые из них (Давиль) пользуются самым пристальным вниманием автора, что является характерным для романа. О стремлении писателя к известной завершенности действия свидетельствует и наличие в романе пролога и эпилога.

В «Мосте на Дрине» самостоятельность и завершенность отдельных глав такова, что позволяет рассматривать это произведение как роман в новеллах, а единственным связующим звеном помимо голоса повествователя здесь является лишь образ моста, весьма условно причисляемого к героям произведения. Отсутствие единства действия и героев, пользующихся исключительным вниманием автора, свидетельствует о большей близости этого романа к жанру романа-хроники.

Вместе с тем действие в «Травницкой хронике» как бы застывает в точке высшего напряжения, а в «Мосте на Дрине» оно находит сюжетное завершение. Принцип антитезы, доминирующий в «Травницкой хронике», не ведет к драматическому столкновению героев с обществом; противоречия, не находя явного выражения, скрадываются и затухают. Наиболее показательны в этом плане так называемые «романы» жены австрийского консула, требующей от своих поклонников исключительно платонической любви и в ужасе прерывающей все связи при первой попытке поцелуя.

С другой стороны, вначале неприметные противоречия между героями и обществом в романе «Мост на Дрине» со временем приобретают все больший размах. Бросается с моста и погибает красавица Фата, которую отец решил выдать замуж за нелюбимого. Предают казни молодого батрака Миле, чью песню о Карагеоргии, предводителе Первого сербского восстания, услышали турки. Вступает в конфликт с обществом и умирает при взрыве моста мелкий торговец Алиходжа. По своему жанровому содержанию это произведение Андрича в большей мере соответствует жанру романа, чем «Травницкая хроника».

Жанровая специфика произведений Андрича, безусловно, привлекала к ним внимание. Однако еще больший интерес вызвала его концепция мира и человека. «Иво Андрич: Загадка ясности» – так называлась монография известного сербского ученого М. Бандича¹. «Романы Андрича, или Мир без Бога» – вот заглавие книги не менее известного литературоведа С. Корача². Столь серьезные различия в оценке картины мира, представленной сербским писателем, очевидно, свидетельствовали об ее сложности и неоднозначности.

В первых произведениях Андрича – сборниках стихотворений в прозе «Ех Ронто» (1918) и «Тревоги» («Немири») (1920) – заметна близость Кьеркегору с его трагическим мироощущением. Сходство взглядов было в какой-то мере обусловлено и жизненной ситуацией Андрича. В юности он вступил в национально-патриотическую организацию «Молодая Босния» и после убийства в Сараево австрийского наследника престола Франца-Фердинанда был арестован и заключен в тюрьму, в дальнейшем замененную ссылкой (1914–1917). В тюрьме наследственная склонность к туберкулезу дала себя знать, и юноша, нежный и хрупкий, оказался на пороге смерти.

С другой стороны, близость образованного молодого человека Кьеркегору была обусловлена духом эпохи. Приближающаяся мировая катастрофа рождала мысль о суровости Бога, жестоко карающего своих детей. Грядущая гибель

¹ *Bandić M. Ivo Andrić Zagonetka vedrine. Novi Sad, 1963.*

² *Korać S. Andrićevi rovani ili svijet bez boga. Zagreb, 1970.*

окружающего мира рождала желание уйти в глубины собственной души, постичь тайны экзистенции. И не случайно второй сборник Андрича назван «Тревоги» – здесь прослеживается связь с экзистенциальной тревогой Кьеркегора.

Трагическое мироощущение писателя проявляется и в названии его первого сборника – «Ex Ponto». Оно сразу напоминало об Овидии с его «Понтийскими посланиями». Напоминало оно и о «слезах», пролитых, по словам Пушкина, римским поэтом. В то же время само сопоставление Андричем себя с величайшим лириком античности свидетельствовало об исключительно высокой самооценке юноши.

В 1920-е гг. «трагический теизм» Андрича постепенно сменяется разочарованием в религии. В его классических рассказах «Путь Алии Джержелеза», «Наложница Мара», «Мустафа Маджар» мир, лишенный надежды на высшую справедливость, предстает или как воплощение недостижимых надежд, или как проявление всевозможных пороков. Алиа Джержелез, легендарный турецкий герой, воплощение силы и мужества, напрасно стремится к любви и красоте. Все женщины, избранные им, отвергают его, и возвращение его в конечном итоге к проститутке лишь подчеркивает трагедию мужчины. Наложница Маара, юная и чистая шестнадцатилетняя девушка, оказавшаяся не по своей воле в гареме турецкого паши, обречена на гибель после ухода турок из Боснии в 1878 г. Ее отвергает даже церковь, т. е., по Андричу, божественное милосердие не существует. В рассказе «Мустафа Маджар» мир – это воплощенная мерзость даже для такого жестокого воина и насильника, каковым является герой произведения. И не случайно он вступает в драку с посетителями корчмы и погибает от куска железа, брошенного в него цыганом. В мире без Бога царят хаос, жестокость и беззаконие.

Вместе с тем ощущение безысходности не может длиться вечно: писатель обращается к поиску новых идеалов. Напряженность отношений героев с окружающей средой во многом уравнивается умиротворением, связанным с образом моста – прекрасного произведения искусства, чуда красоты, воплощением идеала. Мост для Андрича, по словам самого писателя, символ единения людей, простертое над пропастью белое крыло ангела. Мост – это преодоление времени, торжество человеческого духа. Наконец, мост – сердце Вышеграда, яркое свидетельство неповторимости города и особого характера его жителей. Писатель создает исключительный по своему значению обобщенный символический образ не только обращаясь к мифу, но и творя свой собственный миф.

Подобный взгляд на произведение искусства роднит И. Андрича, прекрасного знатока немецкой культуры, с иенскими романтиками, утверждавшими и идеальный характер художественного творения, и красоту как высшую ценность, и устремленность к символическому видению мира, и обращение к мифу, и мифотворчество. Даже взрыв моста свидетельствует не только о катастрофе, разразившейся над человечеством, но и о переходе этого произведения искусства в вечность. Ведь, с точки зрения романтиков, смерть – т. е. выявление границ – означает их осознание, а следовательно, и преодоление. По словам Новалиса, «смерть – это романтизированный принцип нашей жизни. Смерть – это жизнь после смерти. Жизнь усиливается посредством смерти»¹. Интересно, что и у Андрича Алиходжа в момент взрыва размышляет о строительстве новых мостов. Концепция искусства как преодоления смерти представлена в рассказе Андрича «Аска и волк».

¹ Зарубежная литература XIX века. С. 72.

Роднит Андрича с романтиками и устремленность к бесконечности. Как отмечал сам писатель, он стремился постичь «бесконечную действительность во всех ее проявлениях»¹, а с точки зрения Новалиса, «истинный поэт всеведущ; он действительно вселенная в малом преломлении»².

Наконец, романтикам, как известно, присуще истолкование высшей реальности как игры, что не чуждо и Андричу³. Писатель заставляет одного из своих героев включаться в призрачную, ночную игру с таинственным незнакомцем, оказывающимся, скорее всего, бесом, а другого – разгуливать по узким перилам моста, играя и пританцовывая на головокружительной высоте. В эти моменты жизнь для обычных, ничем не примечательных людей открывает свою истинную суть.

Вера в красоту искусства, способного спасти мир, дополнялась у Андрича некоторым подобием надежды на гармоническое будущее человечества. Конечно, опыт прошлого и настоящего подобную надежду отвергал. Как справедливо отмечал В.П. Гудков, «писателю, охватившему своим взором и мыслью широкое географическое и временное пространство и убедившемуся в постоянстве или даже неизблемости вечных категорий человеческого бытия, был органически чужд иллюзорный оптимизм»⁴. Однако в глубине души Давиля, французского консула и главного героя «Травницкой хроники», живет надежда, что, возможно, новое поколение будет жить лучше. Конечно, Давиль – фантазер и мечтатель: в свободные часы он пишет «эпопею» об Александре Македонском, пытаясь создать образ великого человека как образец для людей его эпохи. И все же душевная чистота и искренность этого героя не позволяет видеть мир лишь в темных тонах.

Романы Андрича «Мост на Дрине» и «Травницкая хроника» были написаны в трагические годы Второй мировой войны. Возможно, именно поэтому писатель все же выражал в них некоторую надежду на относительную гармонию в будущем. Однако в повести «Проклятый двор», итоговом произведении, над которым Андрич работал более двадцати лет, картина мира представляется совершенно безысходной. Крупнейший сербский исследователь творчества Андрича П. Джаджич справедливо отмечал, что «трагическое видение жизни Андричем в “Проклятом дворе”, вероятно, достигает своей кульминации. Человек, ломаясь сам по себе и под действием внешних сил, тонет в непроглядной тьме экзистенциального, общественного, исторического и космического бытия. Иного Андрича, выражающего веру в жизнь, восхваляющего ее постоянство, гуманиста, понимающего, что нет такого «Я», которое не являлось бы частью всеобщего «Мы», сознающего, что космос важнее жизни, жизнь важнее человека, а бытие других важнее индивидуальных спазм, такого Андрича мы должны искать в других его произведениях»⁵.

При этом следует отметить, что в повести «Проклятый двор» Андрич, не отказываясь от конкретики, дает предельно обобщенную картину действительности, создает повесть-притчу, повесть-параболу с историческим сюжетом, что повышает значимость этого произведения для выяснения концепции писателя.

В «Проклятом дворе» действие разворачивается в стамбульской тюрьме с символическим названием, вынесенным в заглавие произведения. Герои здесь попада-

¹ Андрич И. Собр.соч. Т. 2. М., 1984. С. 287.

² Зарубежная литература XIX века. С. 59.

³ См.: Кириллова О.Л. Между мифом и игрой. О поэтике Андрича. М., 1992.

⁴ Гудков В.П. Созерцательная мудрость Иво Андрича // Творчество Иво Андрича. Миф. Фольклор. История. Литература: Симпозиум к столетию со дня рождения писателя. М., 1992. С. 14.

⁵ Цацић П. О «Проклятой авлији». Београд, 1975. С. 118.

ют в совершенно иное измерение, они оказываются на необычном, заколдованном острове, который сам писатель называет «демоническим». Это во всех деталях антипод острова счастья, описанного в «Сказке о царе Салтане...». Деревца здесь хиленькие, море далеко, и тюрьма стоит *под* горой. К тому же смотритель тюрьмы Караджоз, чье прозвище означает гротескного персонажа турецкого театра теней, несет в себе демоническое начало. У него «дьявольские» планы, мысль его работает с «дьявольской изощренностью».

Главный персонаж юноша Чамил, лишенный семьи и связей с реальным миром, обвиняется в самоидентификации с султаном Джемом, жившим несколько столетий назад, во второй половине XV в. (1459–1495). XIX век и век XV переплетаются, причем в основе исторического сюжета о борьбе за власть между Джемом и его братом Баязидом (1447–1512) лежит близнечный миф. Сам писатель по поводу этого конфликта отмечает: «Это была новая и величественная версия извечного рассказа о двух братьях. С тех пор, как существует мир, непрестанно появляются и живут на свете два брата-соперника»¹.

И соперничество это предполагает трагический исход, так как это столкновение твердого, практического следования законам жизни и мечтательной попытке утверждения собственных ценностей. Один из братьев, «старший и умудренный опытом, человек с твердым характером, стоит ближе к реальной действительности... Второй брат – полная его противоположность. Не жилец на этом свете, неудачник, он уже с первых шагов совершает ошибки... он заранее обречен на поражение»².

Обречен на поражение и Чамил, обречен на поражение и случайно попавший в тюрьму его слушатель фра (фратар)-Петар. Первые слова повествования – слова о смерти, последние – тоже. В обоих случаях автор говорит о бесконечной снеговой пустыне и о белом безмолвии, наступившем после похорон фра-Петара. Жизнь в произведении Андрича призрачна, единственной реальностью в повести выступает смерть. В заключительных десяти строках повести слово «нет» появляется семь раз, причем один раз оно стоит в конце предложения и шесть раз в начале, образуя специфический интонационно-семантический рисунок.

Итак, человек обречен на поражение. Обречен по своей вине (обычные заключенные Проклятого двора) и обречен без вины (фра-Петар, Чамил, Джем). При этом султан Джем предстает как высшее проявление человеческого духа. Он – само достоинство, верность собственному высокому призванию, воплощение трагического мироощущения. Причем все эти качества присущи ему изначально: он их не приобретал, а следовательно, не может и потерять. Джем – высший тип человека, и его судьба – самое страшное обличение мира и в то же время гимн величию и благородству.

Таким образом, величие и благородство человека и трагизм его судьбы, по Андричу, связаны неразрывно. Трагизм – необходимое условие существования человеческого духа, и здесь возникают некоторые параллели между Андричем и Ницше, Андричем и древнегреческой трагедией. При этом герой Андрича не вступает в спор с судьбой, подобно Эдипу, и лишен «amor fati» (любви к року), впервые утверждаемой Ницше в «Веселой науке» (1881). Трагедия султана Джемма абсолютно неизбежна, она определена самим его рождением. Точно так же, как неизбежна его духовная победа, рожденная из поражения.

¹ *Иво Андрич. Собр. соч. Т. 2. М., 1984. С. 237. Здесь и далее цитируется по данному изданию, страница указывается в тексте статьи.*

² *Vojvodić R. Sudbina umetnika. Beograd, 1976. S. 103.*

Очевидно, что концепция мира и человека в «Проклятом дворе» не совпадает с христианским видением мира. Несмотря на воспитание в католической семье, Андрич приходит к отрицанию Бога. В интервью Р. Войводичу он заявляет: «Художник потому и существует, что не верит в Бога»¹. По мнению писателя, понятие Бога рождается из «отчаяния» и «слабости». Слабость же ведет к вере в «другого» и даже в «абстрактную арабеску».

Вместе с тем в повести «Проклятый двор» звучат и другие ноты. В произведении решающую роль играет принцип противоречия, проявляются единство и борьба противоположностей. У Андрича, как и у Пушкина, жизнь «к противоречиям склонна», а истинный художник предстает как «парадоксов друг». Здесь все подчиняется чудесной, парадоксальной формуле «и да и нет», как в сказке о мудрой крестьянской дочери, приехавшей к царю обнаженной и не обнаженной, верхом и не верхом, с подарком и без подарка.

Так, смотритель Проклятого двора Караджоз действует в отношении заключенных «изнутри», используя не грубую силу, но психологическое давление. «Этот необычный способ делал его хуже, страшнее и опасней его предшественников, но, в известном смысле, лучше и человечнее их» (стр. 207). Караджоз – «бесконечное, неуловимое сплетение противоречивых качеств» (стр. 207). Он «тесно связан с миром порока и преступления», но «прочно отделен от него своим положением» (стр. 207). Его «жилище» «было и удалено от Проклятого двора, и в то же время почти рядом». «Несмотря на свои сто килограммов, он, когда было нужно, становился подвижным и быстрым, как ласка...» (стр. 206). «На его темно-оливковой физиономии никто не видел улыбки, даже когда он сотрясался от неудержимого внутреннего смеха» (стр. 207).

Принцип противоречия проявляется и при изображении самого Проклятого двора и других героев. Так, «заключенные стамбульцы... терзаются и оттого, что не видят и не слышат родного города: казалось бы, никуда не уезжали, а словно отделены от него долгими днями пути» (стр. 202). Чамил при этом и жив и мертв одновременно, а Джем одновременно и султан, и раб. Арестованный монах и рассказчик фра-Петар одновременно и боится заключенных, и в то же время тянется к ним.

Очевидно, что парадоксальность «Проклятого двора» напоминает о христианском парадоксализме. И само присутствие демонического начала «от противного» свидетельствует о начале божественном. Однако трудно сказать, было ли это заложено в повесть самим Андричем. «В ужасах жизни – залог будущего», – убежденно утверждает вслед за Ницше Лев Шестов². Этой мыслью завершается и «Мост на Дрине». Эта мысль не противоречит и христианству.

И все же подводить итоги рано. Кажется, вспоминая вслед за Шестовым Заратустру, Андрич мог сказать: «Дабы никто не мог заглянуть в мою глубину и узнать мою последнюю волю, я изобрел себе долгое и светлое молчание».

ЛИТЕРАТУРА

- Дело Иве Андрића у контексту европске књижевности и културе. Београд, 1981. 991 с.
Вучковић Р. Андрић. Паралеле и рецепција. Београд, 2006.
Bandić M. Ivo Andrić Zagonetka vedrine. Novi Sad, 1963. 419 s.

¹ Шестов Л. Соч. М., 1995. С. 16.

² Шестов Л. Соч. С. 64.

Korać S. Andrićevi romani ili svijet bez boga. Zagreb, 1970. 265 s

Džajić P. Hrastova greda u kamenoj kapiji: Mitsko u Andrićevom delu. Beograd, 1983. 226 s.

Сведения об авторе:

Сергей Николаевич Мещеряков,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Sergey N. Meshcheryakov,
PhD
Assistant Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

pionerskaya@bk.ru